

УДК 343.848

DOI DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.185-199

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: office@law.msu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВООЗАЩИТНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Для цитирования

Селиверстов, В. И. Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций / В. И. Селиверстов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 185–199. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.185-199.

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов социологического опроса представителей правозащитных и общественных организаций, проведенных Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в рамках научного исследования проблем социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Анализируются мнения указанных категорий респондентов по вопросам достижения цели исправления осужденных, социальных ценностей, которые могут обеспечить успех социальной реабилитации, ее субъектов, трудностей социальной реабилитации и мер по ее совершенствованию.

Ключевые слова: осужденный, социальная реабилитация, исправление, лишение свободы, исправительные учреждения, общественное мнение, правозащитные организации, общественные организации.

Теоретические и прикладные вопросы социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы, довольно продолжительное время исследуются в науке уголовно-исполнительного права, в пенитенциарной педагогике и пенитенциарной психологии. За это время была проведена острая полемика о понятии и структуре таких

© Селиверстов В. И., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

явлений, как «социальная адаптация», «социальная реабилитация», «социализация», «ресоциализация», «десоциализация», «интеграция», «деинтеграция», «реинтеграция» «закрепление результатов исправительного воздействия», «трудовое и бытовое устройство» [1, с. 14–24], подготовлено более десятка кандидатских и несколько докторских диссертаций, ряд монографий и учебных пособий. Однако внимание юридической науки к процессам закрепления бывших осужденных к лишению свободы в социуме после их освобождения не ослабевает [7]. В современный период проблемы социальной реабилитации вновь волнуют исследователей как в плане разрешения общих фундаментальных вопросов, так и в плане совершенствования прикладных, практических основ деятельности исправительных учреждений, полиции, органов социальной защиты населения, благотворительных и иных общественных организаций. В качестве примера разрешения фундаментальных вопросов следует привести предпринятую учеными Самарского государственного исследовательского университета имени академика С. П. Королева попытку ответа с помощью научного грантового исследования на трилемму: «Лица, отбывшие лишение свободы и освобожденные от него, кто они: рецидивисты, получатели услуг или сограждане?» [10, с. 65–73].

В качестве примера разрешения прикладных проблем социальной реабилитации бывших осужденных следует привести научно-исследовательский проект создания теоретической базы социальной поддержки и защиты граждан, освобожденных из пенитенциарных учреждений, разработанный в 2019–2020 гг. Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского МГУ имени М. В. Ломоносова (проект разрабатывается на средства пожертвования Фонда поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» при организационной поддержке Фонда развития юридического образования). В процессе реализации проекта было изучено мнение 101 представителя правозащитных (72 респондента) и общественных (29 респондентов) организаций по рассматриваемой проблеме. В категорию «представители правозащитных организаций» попали сотрудники аппаратов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также лица, занимающиеся правозащитной деятельностью на общественных началах. В категорию «представители общественных организаций» попали руководители и сотрудники благотворительных общественных организаций, фондов, председатели и члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК), действующие в субъектах Российской Федерации. Вот как они ответили на вопрос о соприкосновении своей профессиональной и общественной деятельности с социальной реабилитацией осужденных (рис. 1).

Как видно из ответов, у каждого четвертого (39,6 %) из числа опрошенных социальная реабилитация бывших осужденных входит в круг их профессиональных или общественных обязанностей. Большинство остальных опрошенных, исходя из содержания следующих ответов и комментариев респондентов, также занимаются вопросами, связанными с уголовно-исполнительной системой Российской Федерации (защита прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, потерпевших от преступлений, оказание содействия пенитенциарным учреждениям в различных сферах их деятельности).

В процессе исследования выявлена высокая заинтересованность респондентов в решении проблем социальной реабилитации (рис. 2).

Так, большинство из числа опрошенных (95,0 %) волнует проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (тюрем) России.

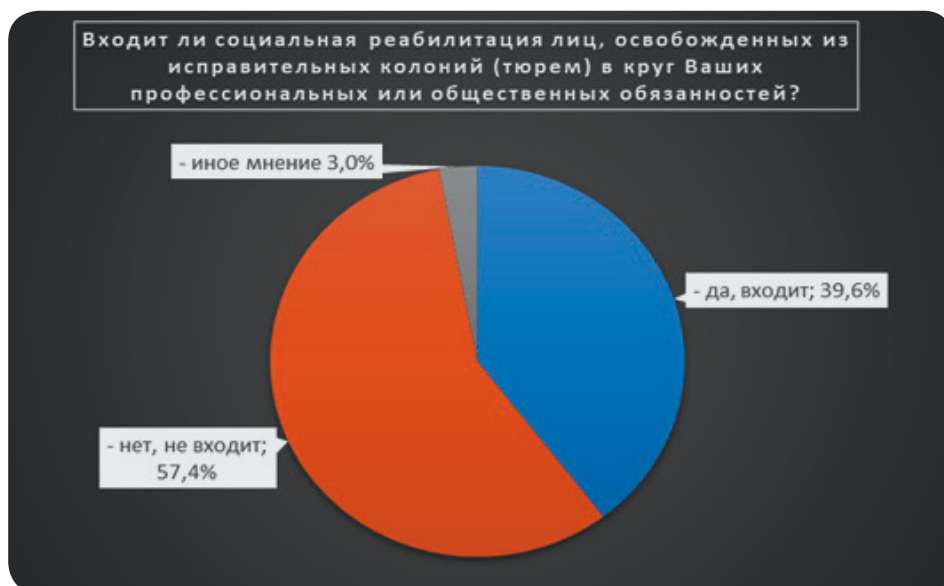

Рис. 1

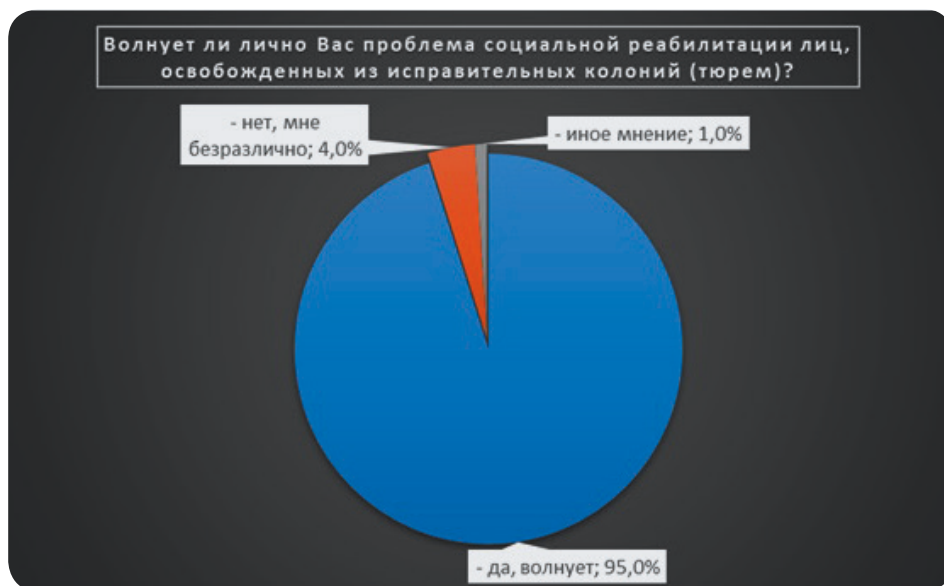

Рис. 2

Безразлично к ним относится лишь 4,0 % опрошенных респондентов и 1,0 % – высказал иное мнение. Такой высокий интерес в обществе к данной проблеме вполне объясним: и на личном опыте, и путем ознакомления с информацией в средствах массовой коммуникации представители правозащитных и общественных организаций убедились в том, что от результативности этой работы зависит их личная безопасность.

Следует также предположить, что определенная степень их волнения вызвана не вполне благополучным положением дел в сфере социальной реабилитации бывших осужденных. В 2020 г. заканчивается действие Концепции развития уголовно-исполни-

тельной системы Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, в которой предполагалось проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденного к освобождению и последующей адаптации в обществе, включая создание и деятельность в России службы пробации.

Разговоров и планов по реализации данных положений Концепции и улучшению положения в этой сфере социальной деятельности было много, а результатов нет, служба пробации не создана. Все это, видимо, вызывает тревогу у граждан, правозащитного и общественного секторов.

Исследователей интересовал вопрос о том, из каких источников респонденты получают информацию о проблемах социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (рис. 3).

Результаты оказались весьма интересными, особенно в сравнении с ответами на аналогичный вопрос, который был задан в рамках проведения анкетирования граждан по названной проблеме. Так, на указанный вопрос (можно было отметить несколько ответов или предложить свой) более половины представителей общественных и правозащитных организаций, а именно 52,5 % указали на Интернет, 34,6 – на программы телевидения, 25,7 % – на газеты и журналы. В качестве источника информации 12,9 % опрошенных указали также на личный опыт, 75,3 – на обращения осужденных и их близких родственников, 18,8 % – на рассказы знакомых. Обращает на себя внимание то, что довольно большая часть респондентов имеют информацию из непосредственных источников (личный опыт, рассказы знакомых и особенно обращения осужденных и их близких родственников). Информация, полученная из СМИ (пресса и телевидение, отчасти Интернет), не цензурируется, поскольку цензура в России запрещена. Однако эта информация подается в соответствии с редакционной политикой того или иного печатного органа или телевизионного канала. Это создает препятствия (возможно, даже более серьезные, чем ранее существовавшая государственная цензура) для публикации позитивных материалов об исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в России в общем и социальной реабилитации бывших осужденных в частности. Это подтверждается опытом участия в подведении итогов проводимых Общественной палатой РФ, ООО «Совет общественных наблюдательных комиссий» и Фондом поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» ежегодных общероссийских конкурсов среди журналистов под общим названием «Слово ранит, слово лечит». Прошедшие в 2016–2019 гг. четыре конкурса были посвящены освещению передовых практик социальной адаптации бывших осужденных [8, с. 99–105]. Они вызвали большой интерес печатных, телевизионных и радиовещательных СМИ, а также интернет-сообщества к проблемам оказания помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания в виде лишения свободы, стимулирования мотивации этих лиц к правомерному поведению. Однако на протяжении этих лет неоднократно журналисты указывали, с каким трудом им удавалось преодолеть стереотипы редакционной политики, диктующие исходя из чисто коммерческих интересов публикацию в первую очередь негативных, а не позитивных фактов закрепления бывших осужденных в обществе. В силу этого получение большинством опрошенных в рамках настоящего анкетирования нескорректированной и недозированной информации о социальной реабилитации бывших осужденных придает особую ценность данному исследованию.

В отличие от правозащитников и представителей общественных организаций меньшая доля опрошенных граждан указала на то, что в числе источников была информация

Рис. 3

Рис. 4

о социальной реабилитации граждан из непосредственных источников (из рассказов знакомых – 26,9 %, из личного опыта – 4,6 %). В то же время 67,5 % указали на Интернет, 31,9 – на газеты и журналы, 49,8 % – на программы телевидения. Все это подчеркивает роль, которую играют СМИ в формировании общественного мнения. Одновременно это свидетельствует об ответственности СМИ за объективное освещение процессов социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

Респондентам был задан вопрос: «Верите ли Вы в то, что осужденного в исправительных колониях (тюрьмах) России можно исправить?». Необходимость выяснения

мнения респондентов была обусловлена желанием узнать среди правозащитников и представителей общественных организаций долю так называемых радикалов, которые отрицают саму возможность того, что после отбытия лишения свободы человек может отказаться от преступной деятельности вследствие пересмотра своих нравственных установок. Ответы представлены на рисунке 4.

Примечательно то, что 70,3 % опрошенных относятся к безграничным и умеренным оптимистам, поскольку указали, что в той или иной степени верят в то, что осужденных в исправительных колониях и тюрьмах России можно исправить: 21,8 % – об этом заявили с уверенностью, а 48,5 % – допустили такую возможность, указав, что исправление зависит от конкретного осужденного и вида совершенного преступления. К первой категории оптимистов относится и автор настоящей статьи [4, с. 11–14, 42–46; 9, с. 30–37]. В то же время каждый пятый (21,8 %) заявил о своих сомнениях в достижении такого результата в исправительных учреждениях, доля респондентов-радикалов, не верящих в достижение этой цели, составила 7,9 %.

Причинами такого положения являются, во-первых, то неблагоприятное положение, которое имеет место в уголовно-исполнительной деятельности нашего государства. Провал тюремной реформы 2010–2016 гг., периодически вскрываемые факты коррупции, применения физической силы и иных нарушений прав осужденных накладывают отпечаток на оценку правозащитным и общественным сектором способности уголовно-исполнительной системы исправить любого осужденного в местах лишения свободы. Во-вторых, нельзя отрицать влияния на правозащитное и общественное мнение феномена «дурных вестей». Он проявляется в результате действия своеобразного информационного фильтра, через который в средства массовой информации, включая Интернет, как правило, попадает информация о повторных преступлениях осужденных, о чрезвычайных происшествиях в уголовно-исполнительной системе и т. п. И это не проявление злого умысла, а действие законов рыночной экономики, поскольку СМИ, находясь в условиях жесткой конкуренции, необходимо выгодно продать свой информационный материал, а наибольшим спросом, к сожалению, в наше время пользуются как раз «дурные вести».

Интересные данные были получены при выяснении вопроса о том, какие социальные ценности могут удержать лицо, освобожденное из исправительной колонии (тюрьмы), от совершения повторного преступления (можно было отметить несколько ответов). Результаты отражены на рисунке 5.

Оказалось, что, несмотря на идущие в России процессы глобализации, основными ценностями для осужденных в понимании респондентов должны оставаться семья и работа. Именно семья (на нее указали 71,3 %) и работа (68,3 %), по мнению опрошенных, должны обеспечить успех социальной реабилитации бывших осужденных. Приоритетную роль семьи в социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, отмечают и другие исследователи [5, с. 159]. На третьем месте (55,4 %), но с достаточным отрывом от остальных, идет наличие жилья; на четвертом (35,6 %) – наличие материальных средств (имущества, денег), что представляется важным в условиях рыночной экономики, но не определяющим, по мнению опрошенных. На пятое место респонденты поставили образование (21,7 %), видимо, имея в виду как общее, так и профессиональное. Действительно наличие специальности при освобождении из исправительных учреждений – важная гарантия трудоустройства после освобождения, а, как указано выше, именно наличие работы, по мнению опрошенных, является первоочередной ценностью для освобожденных из мест лишения свободы лиц.

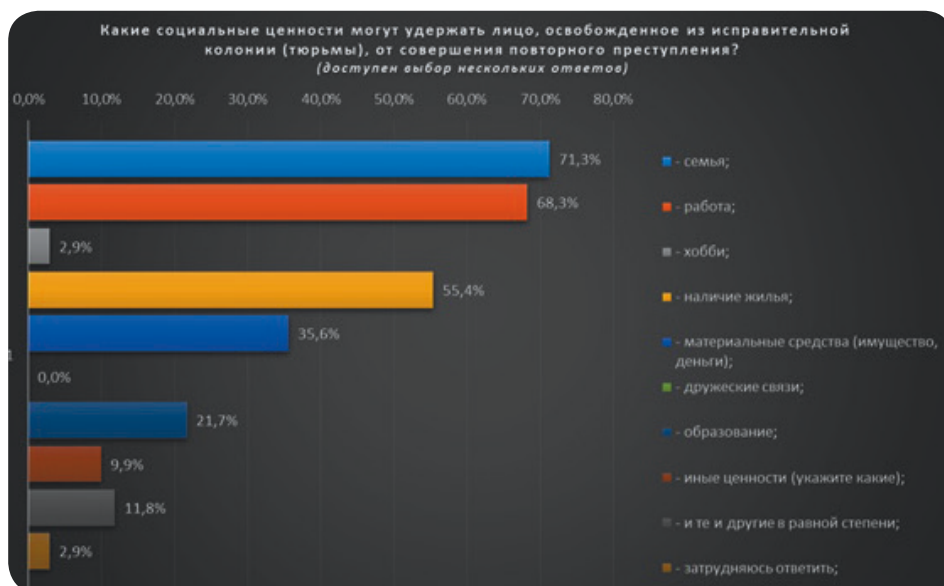

Рис. 5

Рис. 6

Шестое место в предпочтениях респондентов отдано наличию у освобождаемого лица дружеских связей (18,8 %). Под ними следует понимать обширный круг связей лица, имеющих или возникших у бывшего осужденного по профессиональному, земляческому, национальному (национальные диаспоры) и другим демографическим признакам. Не следует исключать из этих связей и те из них, которые возникли во время отбывания наказания. Не все они, вопреки расхожему мнению обывателей, направлены на организацию дальнейшей преступной деятельности. Можно привести множество примеров (и в среде правозащитников и членов общественных организаций они известны), когда

бывшие осужденные помогают своим «сокамерникам» обустроиться на свободе, что снижает риск повторного совершения преступлений.

Последующие места заняли те позиции, которые не получили высокого рейтинга среди опрошенных лиц. Это наличие хобби (2,9 %), а также предложенные респондентами вера в законы и справедливость (0,9 %), мораль (0,9 %), религия (0,9 %).

Интересовал исследователей вопрос о том, кто в первую очередь должен заботиться о сохранении или обретении указанных выше ценностей (рис. 6).

Так, на вопрос, кто, по мнению респондентов, в первую очередь должен заботиться о том, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), вернулись в свои семьи или обрели новую семью (можно было отметить несколько ответов), около трети опрошенных (31,6 %) заявили о равной ответственности за это всех субъектов социальной реабилитации бывших осужденных. В качестве примера равной ответственности опрошенные привели зарубежный опыт Королевства Норвегии, где роль по подготовке к освобождению и сопровождению после отбывания лишения свободы выполняет общественная организация, к которой существует особое доверие, – это Норвежский Красный Крест. Она действует совместно со всеми заинтересованными государственными организациями. Данная работа финансируется за счет государства.

Вместе с тем респонденты дифференцировали ответственность за возвращение бывшего осужденного в свои семьи или обретение новой семьи, указав на первом месте самого осужденного (62,3 %), на втором – родственников осужденного (37,6 %), на третьем – государственные и муниципальные органы (30,6 %), а на четвертом – администрацию исправительных учреждений (18,8 %).

Четвертое место исправительных учреждений в числе субъектов оказания содействия осужденному в сохранении или обретении новой семьи несколько удивляет, учитывая имеющуюся практику деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы в расширении контактов с семьями и налаживании семейных отношений. Те же дни открытых дверей для близких родственников в воспитательных колониях, создание своеобразных клубов знакомств (г. Красноярск), деятельность воспитательных и психологических служб по разъяснению позитивного значения семейных отношений являются свидетельствами активности исправительных учреждений в этом вопросе. Однако следует признать, что деятельность сотрудников исправительных учреждений по сохранению семейных отношений, их налаживанию в кризисных для семьи моментах, особенно в первоначальный период отбывания наказания, могла бы быть более значимой. Видимо, это недостаточное участие и отразили результаты этого исследования.

Определенные надежды на возвращение бывших осужденных в свои семьи возлагаются респондентами на общественный сектор: общественные организации (13,8 %), религиозные конфессии (10,8 %), правозащитные организации (9,9 %), благотворительные фонды (5,9 %).

Ответили респонденты и на вопрос о том, кто в первую очередь должен заботиться, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), были трудоустроены (можно было отметить несколько ответов). Результаты отражены на рисунке 7.

На первом месте оказались государственные (кроме исправительных учреждений) и муниципальные органы (54,4 %), на втором – сам осужденный (49,5 %). С незначительным отрывом на третьем, четвертом и пятом местах следуют родственники осужденных (17,8 %), общественные организации (14,8 %), работодатели (13,8 %). Администрация исправительных учреждений (9,9 %) и правозащитные организации (9,9 %) разделили шестое и седьмое места.

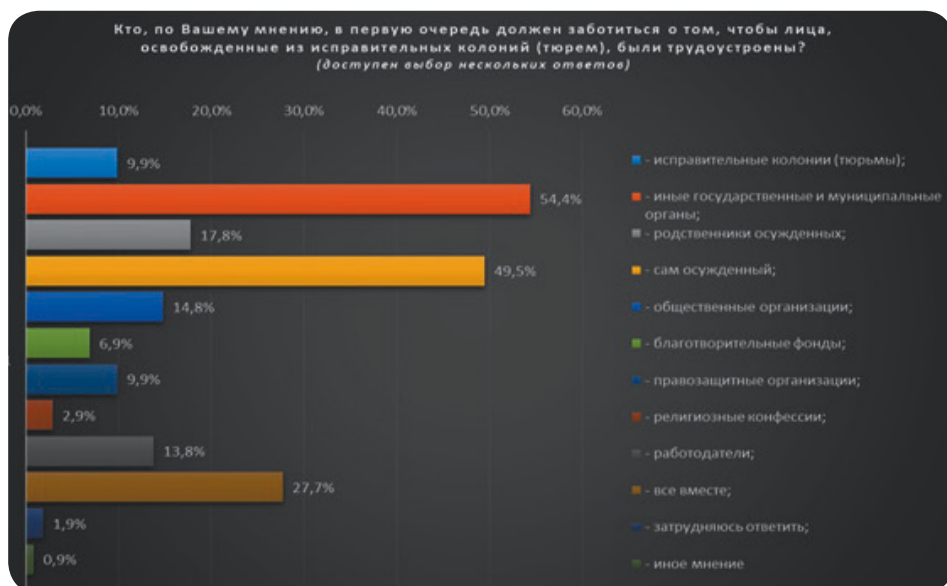

Рис. 7

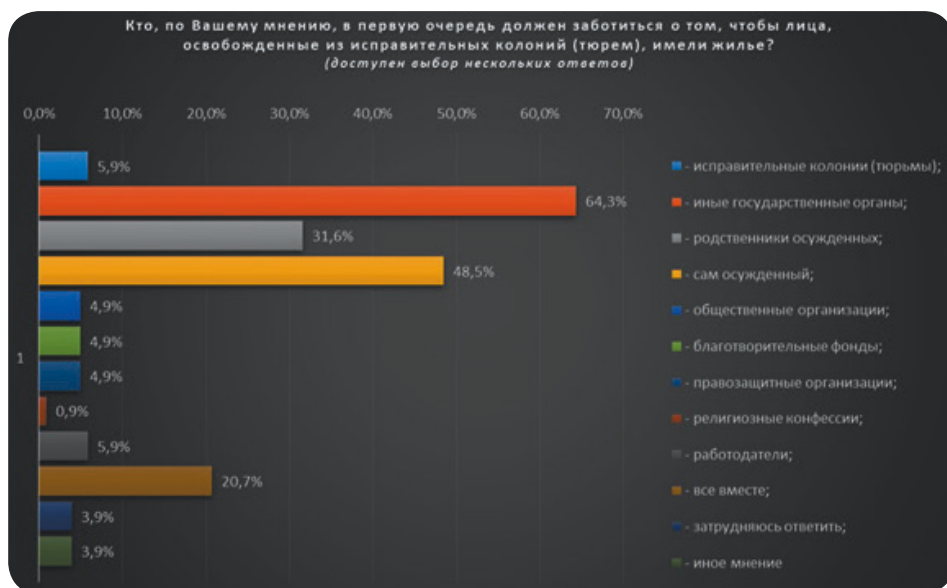

Рис. 8

Проанкетированные лица отметили также благотворительные фонды (6,9 %) и религиозные конфессии (2,9 %). В то же время более одной четвертой респондентов (27,7 %) указали, что трудоустройство освобожденных от наказания лиц является общим делом и все указанные органы и организации должны принимать в нем участие.

Анализ ответов позволяет прийти к выводу о том, что основную заботу о трудоустройстве представители правозащитных и общественных организаций возлагают на государственный и муниципальный секторы. Неожиданно низкий рейтинг получили работодатели, что связано с имеющим место традиционным недоверием к соци-

альной роли бизнеса, его участием в решении злободневных проблем государства и общества.

Оценивая мнения респондентов о том, кто в первую очередь должен заботиться о том, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), имели жилье (можно было отметить несколько ответов), следует обратить внимание на рисунок 8.

Как и при ответе на аналогичный вопрос по трудоустройству бывших осужденных, на первом месте оказались государственные и муниципальные органы (64,3 %), на втором – сам осужденный (48,5 %). Вполне ожидаемо на третьем месте оказались родственники осужденных (31,6 %), поскольку осужденный, как правило, попадает в места лишения свободы из места постоянного жительства (дома, квартиры и пр.). Забота родственников и членов семьи состоит в том, что не усугублять положение осужденного, не отбирать квартиру и не создавать иных препятствий для возврата его по прежнему месту жительства.

Работодатели и администрация исправительных учреждений получили равный рейтинг (по 5,9 %), что, на наш взгляд, не отражает имеющихся в политической элите надежд на придание социальной направленности как бизнесу, так и деятельности уголовно-исполнительной системы в России.

Остальные субъекты, указанные в анкете, получили достаточно низкий рейтинг в 4,9 %. Речь идет о общественных организациях, благотворительных фондах и правозащитных организациях. Позиции о том, что заботиться о жилье для освобождаемых из исправительных учреждений лиц должны все указанные в анкете субъекты вместе, придерживается каждый пятый (20, 7 %) респондент.

Опрашиваемым лицам было предложено указать на трудности в решении проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, которые существуют в настоящее время (можно было отметить несколько ответов). Обобщение ответов на данный вопрос дано на рисунке 9.

Бюрократизм и равнодушие к лицам, освобожденным из исправительных учреждений, отметили более половины опрошенных (51,4 %). Это существенный недостаток, который даже при наличии надлежащей правовой базы, экономических и организационных ресурсов может свести на нет предпринимаемые государством меры по улучшению положения в этой сфере. Истоки бюрократизма и равнодушия кроются в недостатке правовой и иной культуры наших чиновников в целом, проявляющемся в бюрократизме и равнодушии применительно ко всем гражданам, а тем более к освобожденным от отбывания лишения свободы. Они проистекают из исторической памяти, которая передается от поколения к поколению, о том, что осужденный – это «враг народа», о том, что «горбатого только могила исправит» и «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит». Такая идеология имеет место не только в бытовом сознании, но и в ряде научных работ [2, с. 14–19].

На втором месте, по мнению респондентов, находится то, что в общественном сознании нет понимания важности этой работы (45,5 %), того, что от успеха усилий по социальной реабилитации бывших осужденных зависит не только их судьба, но и судьба других людей, которые могут быть бывшими осужденными втянуты в преступные действия или стать жертвами новых преступлений с их стороны. Устранение указанного недостатка представляется невозможным без широкого общественного обсуждения проблем социальной реабилитации, причем с участием средств массовой информации. В связи с этим проведение Общественной палатой Российской Федерации, Фондом поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» и Советом общественных наблюда-

Рис. 9

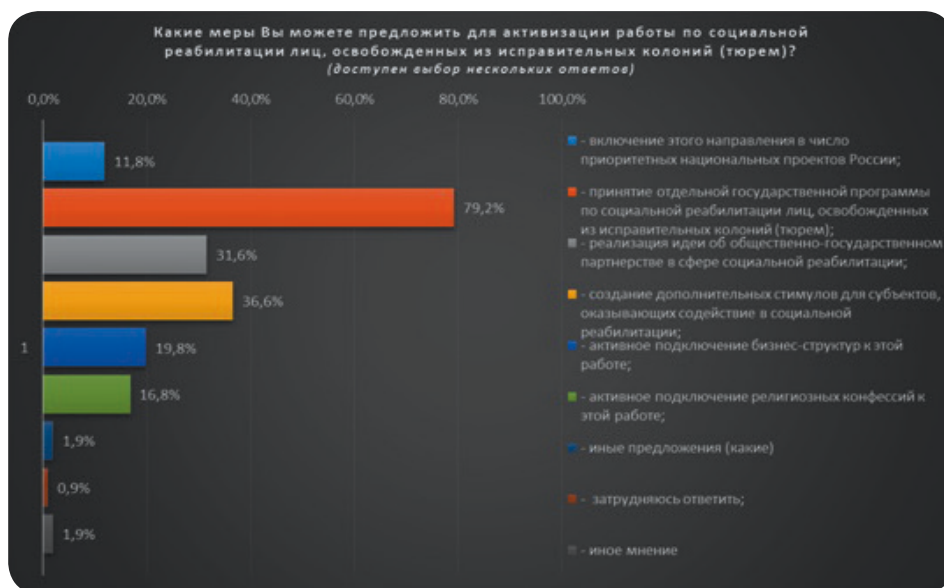

Рис. 10

тельных комиссий ежегодных конкурсов среди журналистов «Слово ранит, слово лечит» является важным, но чуть ли не единственным мероприятием в сфере корректировки общественного сознания, а их должно быть значительно больше.

Отсутствие политической воли в решении этой проблемы отметили 44,5 % опрошенных. Действительно, в централизованном с президентской формой правления государстве, каким является Россия, большинство инициатив исходит от главы государства. Это в полной мере соответствует положению Конституции Российской Федерации о том, что Президент Российской Федерации определяет внешнюю и внутреннюю политику госу-

дарства (ст. 80), поэтому в понимании опрошенных лиц под отсутствием политической воли уже традиционно понимают отсутствие соответствующих инициатив (с постоянным контролем за их исполнением) со стороны первого лица государства – Президента Российской Федерации. Конечно, следует четко представлять, что политическая воля Президента Российской Федерации формируется под воздействием политических инициатив других субъектов: политических партий, органов государственной власти и местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей, профсоюзов, церкви, общественных организаций, граждан и т. д. [3, с. 22–30].

Отсутствие экономических стимулов для участия в социальной реабилитации тормозит решение проблем в названной сфере. На это указали 39,6 % опрошенных. Вопрос об экономических стимулах участия в социальной реабилитации неоднократно поднимался на различных форумах, совещаниях, семинарах и круглых столах. Он актуален по сегодняшний день применительно к экономическим стимулам для организаций, трудоустраивающих бывших осужденных, для общественных организаций, занимающихся оказанием помощи этим лицам, для физических лиц, задействованных в этой сфере. Однако его решение зависит от общего экономического положения государства и от расстановки приоритетов в социальной политике, о чем далее пойдет речь.

Больше трети респондентов (32,6 %) указали на то, что сами бывшие осужденные не проявляют стремления к правопослушному образу жизни. Действительно, часть осужденных имеет твердую установку на продолжение своей криминальной деятельности либо просто ведет антиобщественный образ жизни. Однако задача состоит в том, чтобы помочь хотя бы тем, кто решил не возвращаться в места лишения свободы.

Завершающим пунктом анкетирования была просьба к респондентам предложить меры для активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (можно было отметить несколько мер). Их оценка респондентами приведена на рисунке 10.

Респондентам было предложено выбрать между двумя конкурирующими политико-правовыми мерами: включением социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России и принятием отдельной государственной программы по данному направлению. Большинство опрошенных несомненный приоритет отдали принятию отдельной государственной программы (79,2 %). Первое направление получило лишь 11,8 %, хотя у опрашиваемых при заполнении анкеты, несомненно, был соблазн усилить значимость той сферы, которая у правозащитников и членов общественных организаций вызывает особую озабоченность. Кроме того, следует учитывать проявляющийся у этих категорий определенный радикализм в суждениях о практике нарушений прав человека и усилиях государства в этой сфере. Опираясь на этот радикализм и критический настрой, опрашиваемые лица могли бы просто «приподнять планку», предложив первый вариант ответа, а именно включение социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России. Однако этого не произошло, и это является довольно интересным результатом исследования. Видимо, сказалось не то, что указанная проблема не дотягивает до уровня национального проекта, а то, что пока еще не пришло время для ее включения в число национальных проектов, а для отдельной государственной программы решение указанной проблемы, по мнению большинства респондентов, вполне подходит.

Респонденты предложили ряд частных мер в решении проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. В их числе: создание дополнительных стимулов для субъектов, оказывающих помощь в социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы (36,6 %). В данном случае речь идет не только о материальных, но и о моральных стимулах. Например, известны случаи награждения, в том числе государственными наградами, активных граждан, оказывающих помощь социально незащищенным категориям: беженцам, инвалидам, сиротам, мигрантам и т. п. Однако нет ни единого случая такого высокого поощрения за работу с бывшими осужденными, за возвращение их в число правопослушных граждан.

Реализацию давно высказанной и нашедшей отражение в некоторых политико-правовых документах государства идеи об общественно-государственном партнерстве в социальной реабилитации бывших осужденных отмечает лишь треть (31,6 %) опрошенных. Такой низкий рейтинг можно объяснить лишь тем, что данная идея, несмотря на ее проработку и закрепление в концептуальных документах, по-прежнему не нашла своей реализации на практике, что свидетельствует, по мнению респондентов, о ее нежизнеспособности.

Каждый пятый (19,8 %) предложил активнее подключать к работе с бывшими осужденными бизнес-структуры. При этом речь должна идти не только о трудоустройстве осужденных на предприятиях, но и об обучении новым профессиям непосредственно в исправительных учреждениях, об участии бизнеса в различных проектах по снижению негативного восприятия гражданами бывших осужденных, поощрению новых креативных форм и методов социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В этом направлении в России предпринимаются явно недостаточные усилия, хотя имеются отдельные и довольно интересные примеры участия бизнеса в обучении осужденных профессии с последующим трудоустройством на частных промышленных предприятиях и в сфере обслуживания [6, с. 50–52].

Подключение к работе с бывшими осужденными религиозных конфессий отметили 16,8 % респондентов. Это вполне ожидаемый результат, учитывая то, что религиозные конфессии, традиционные для населения России и представляющие православие, ислам, иудаизм и буддизм, активно взаимодействуют в нравственном воспитании осужденных с сотрудниками исправительных учреждений. Участвуют они и в оказании помощи лицам, освобождаемым из исправительных учреждений. Например, Русская православная церковь предоставляет им место для временного проживания в монастырях, духовные представители ислама оказывают помощь освобожденным из исправительных учреждений мусульманам, в том числе с привлечением национальных диаспор. Однако до конца их роль и место в этой работе законодательством не определены.

Респондентами были предложены и иные меры по активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В их числе: законодательное закрепление создания государственной службы пробации и социальной реабилитации (0,9 %), обязательное трудоустройство и обеспечение жильем (0,9 %).

Таким образом, по результатам исследования мнения представителей общественных и правозащитных организаций можно прийти к следующим выводам.

1. Проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, по-прежнему находится в орбите общественных и правозащитных интересов. Указанная проблема ненадуманна, она не эфемерная, а реальная. Об этом свидетельствует то, что довольно большая часть респондентов имеет информацию из

непосредственных источников (личный опыт общения с бывшими осужденными, рассказы знакомых, обращения осужденных и их близких родственников).

2. В оценке общественного и правозащитного сектора остаются неизменными те материальные и духовные ценности, помощь в приобретении и обладании которыми является основой для социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В центре этих ценностей находится триада: семья, работа, жилье. Именно на сохранение (приобретение) указанных ценностей необходимо обратить особое внимание в правотворческой и правоприменительной деятельности государства, в общественной и правозащитной работе.

3. По оценке респондентов, в приобретении или сохранении указанных ценностей в зависимости от их вида на первый план выходят разные субъекты. Однако следует отметить, что среди представителей общественных и правозащитных организаций приходит осознание того, что не только государство и общество ответственны за социальную реабилитацию бывших осужденных (ранее эта точка зрения была преобладающей), но и сам бывший осужденный должен вносить свой вклад в реализацию намерения отказа от продолжения преступной деятельности.

4. Следует обратить внимание на реалистичный взгляд представителей общественных и правозащитных организаций на те общие меры, которые необходимо предпринять для решения проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Отказ от поддержки предложения о включении этой проблемы в число национальных проектов в России свидетельствует не о принижении значимости проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а о сложностях ее решения в современных социально-экономических условиях функционирования нашего государства.

5. Среди частных мер по активизации работы в сфере социальной реабилитации следует особое внимание уделить созданию материальных и моральных стимулов для субъектов социальной реабилитации, привлечению бизнес-структур, религиозных конфессий и национальных диаспор к оказанию помощи бывшим осужденным.

Библиографический список

1. Белова Е. Ю. Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных в льготных условиях отбывания наказания: проблемы теории и практики : монография / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юрайт, 2020. 156 с.
2. Белоносов В. О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4(26). С. 14–19.
3. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
4. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
5. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.
6. Посмаков П. Н. Опыт реализации благотворительным фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» программы «Возвращение» по ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, для включения в дорожную карту проекта руководства УНП ООН по вопросам внедрения, улучшения и управления реабилитаци-

---

онными программами в тюрьмах // Взаимодействие государственных, общественных и некоммерческих организаций в вопросах ресоциализации и адаптации заключенных : сб. материалов конф. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2018. 118 с.

7. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под ред. Т. В. Кленовой. М. : Юрлитинформ, 2019. 432 с.

8. «Слово ранит, слово лечит»: об успешных моделях постпенитенциарной ресоциализации граждан как важного фактора профилактики повторных нарушений : сб. материалов 4-го Всерос. конкурса среди журналистов. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2019. 105 с.

9. Селиверстов В. И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 30–37.

10. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2018. № 2. С. 65–73.